

О НАШИХ УЧИТЕЛЯХ

Здесь собраны наиболее яркие эпизоды нашей студенческой жизни, связанные с учебным процессом. О том, как запомнились наши преподаватели, рассказывают:

Владимир Чуприянов. Про Будкера

Очень возможно, что зря я взялся за написание этих заметок. Не люблю и не умею писать, тем более, не относящиеся к моей профессии статьи. Но из глубочайшего уважения к Андрею Михайловичу Будкеру по просьбе оргкомитета я взялся изложить некоторые стороны его личности, деятельности. Хотя я далеко не самый близкий его ученик. Гораздо больше о нём могут рассказать другие, и, в том числе, из наших – Василий Пархомчук.

Начну с того, что нашему поколению выпускников НГУ с одной стороны очень повезло. Мы застали и известные «60-е» и период бурного роста и расцвета Университета и Институты. Время, когда науку и Университет возглавляли молодые, талантливые, энергичные энтузиасты, которым руководство доставалось не «по наследству». Они сами строили «с нуля» свои лаборатории и институты. Они же и преподавали в НГУ.

Представьте себе, **Будкеру не было и 40 лет**, когда он начал строить ИЯФ. И построил и дал такой импульс, что и сейчас спустя 37 лет после его смерти ощущается его влияние. Зачастую студентов и преподавателей связывали и дружеские, неформальные отношения. Как это было, например, в альпинистском сообществе, когда на сборах в одной команде были и академики (Александров) и преподаватели (Мешков, Пухначёв, Гинзбург и многие другие) и студенты от 1-го курса. Да и ректор С.Т.Беляев тоже был альпинистом и всячески помогал альпинистской секции.

С другой стороны, мы – поколение эмигрантов. Части из нас, в этом плане, повезло. Открылись границы и те, кто стремился на «историческую родину» или искали лучшие условия для приложения своих способностей, получили такую возможность. «Большинство» же осталось. Но уже в другой стране. Нет того великого СССР, в котором мы родились и выросли. Так что и мы, оставшиеся, тоже эмигранты, более того, мы вынужденные эмигранты. И, хотя большинство из нас живёт и работает сейчас вполне достойно, но 90-е годы остались тяжёлым рубцом на наших жизнях. Вспомним хотя бы тот факт, что на заседаниях Президиума СО РАН всерьёз обсуждали возможность запуска в производство на Опытном заводе «буржук» для отопления квартир.

В то время Будкеру было бы немного за 70. Не намного больше, чем нам сейчас. Думаю, он нашёл бы возможность успешного (по тем меркам) существования ИЯФ и в то время. Тем более варианты были. Во всяком случае, один я знаю точно, т.к. предложение проходило через меня.

А Будкер уже однажды вытаскивал Институт из серьёзного кризиса. Это было в самом начале 70-х, когда он долго болел и руководил ИЯФом Р. И.Солоухин. Институт хирел. Сотрудники начали уходить, и в одиночку, и целыми группами. В Иркутск перебрались и наши однокурсники (Алтынцев, Коротеев и др.) В Троицк перебрались Семёнов, Еськов.

С возвращением Будкера Институт стал оживать на глазах. А.М. быстро и безболезненно провёл реорганизацию, в результате которой Солоухин стал директором ИТПМ. Нестерихин возглавил ИАЭ. С ними ушли и часть сотрудников. Из наших Оришич, Кузнецов, Рубенчик, Мушер Но в результате выиграла все. И ИЯФ, и те, кто ушёл.

Это один из принципов Будкера. При реорганизации не должно быть обиженных.

А.М. прилагал максимум усилий, чтобы создать, возможно, лучшие условия работы в институте. ИЯФ – единственный из Институты СО АН строил собственное жильё, имел очень сильную производственную базу, отличное снабжение. Он изыскивал возможности платить сотрудникам более высокую зарплату за счёт коммерческой

деятельности Института и поступления денег от МСМ. Он часто говорил, что слово мужчина состоит из двух частей – «муж» и «чин». Т.е. мужчина должен за свой труд получать достойное вознаграждение и в моральном и в материальном смысле.

Стоило всё это больших трудов. Президиум СО АН не давал ему развернуться в полную силу. Значительную часть заработанных Институтом и выбитых Будкером средств Президиум реквизирует в пользу «бедных». Особенно это касалось строительства жилья. Так что при всех усилиях Директора институтская очередь на жильё была не намного короче, чем у других.

А.М. вынашивал мечту выйти из Академии и организовать НПО под МСМ. В этой связи он часто вспоминал И.В.Курчатова.

Начинались эти разговоры с преамбулы, что всегда надо слушать Учителей, одним из которых он считал И.В., который ему не советовал уходить в Академию. (ИАЭ, в котором до ИЯФа Будкер возглавлял лабораторию новых методов ускорения, было в подчинении МСМ).

Вообще, тема уважения Учителей была одной из любимых у А.М. Например, ещё он говорил о Мигдале. Вот он (Будкер) уже давно академик, а Мигдал ещё член-корр., но Будкер всегда будет рад сбегать в киоск за сигаретами для Мигдала.

Будкер был очень жизнерадостным и жизнелюбивым человеком. Любил шутки ценил и сам знал массу остроумных анекдотов. Подавляющее большинство учёных советов ИЯФ, в которых он принимал участие, не обходилось без различного рода отступлений на самые разные темы, в том числе и далёкие от тематики Совета, в том числе и не предназначенных для дамских ушей. При этом он не забывал предупредить Н.Бучельникову (она была единственным членом совета – женщиной) в совершенно не обидной форме, что научная часть Совета прерывается (или заканчивается), и, если ей не по душе мужские разговоры, может уйти. Она никогда не уходила. Вообще все Советы, совещания и др. мероприятия, с участием Будкера никогда не были скучными или неинтересными. Даже общие собрания Института, посвящённые знаменательным датам, с его участием проходили интересно и оживлённо.

Я думаю, каждый из нашего выпуска помнит его лекции. Это, конечно был не тот фундаментальный и прекрасно поданный курс, который нам, к примеру, читал, Зелевинский. Но после его лекций агитировать за физику необходимости не было. Он показывал её красоту. Помните, как он, выписав уравнения Максвелла, половину лекции восторгался их совершенством.

Любил А.М. красоту во всём, и было бы странным, если бы он обошёл своим вниманием женскую. Среди физиков женолюбие – довольно распространённое явление. Вспомним хотя бы Л.Д. Ландау или Р.Фейнмана. Видимо, эта черта характера свойственна не только выдающимся (и не очень) физикам, но и всем талантливым людям. И, несмотря на то, что он внешне не походил на мачо (над чем сам постоянно подшучивал), вниманием женщин он обделён не был. На женскую тему было много всяких разговоров в Ияфовской компании (общество ведь почти на 100% мужское). Мне особенно запомнились два его высказывания на эту тему.

Нет ничего лучше хорошей жены и нет ничего хуже плохой жены. Коротко и абсолютно справедливо.

Второе касается приёма экзамена у симпатичной абитуриентки. Вопрос задавался так:

Повышать или понижать оценку за красоту.

Будкер считал, что таким девчонкам не стоит учиться на физфаке, т.к., чтобы сделать хорошую карьеру в этой области, надо превратиться в зануду, что плохо скажется на внешности, здоровье и характере. Так что вариантов два. Либо девочка осознает (поумнеет), что это не её дело и бросит физику, при этом потеряв время, либо зачахнет, так и не добившись успеха. Так что А.М., из гуманных соображений призывал, по возможности, помогать таким девчонкам, вовремя выбрать другой путь в жизни,

снизив бал на вступительном экзамене. Честно признаюсь, я не следовал этому его совету, хотя полностью с ним согласен.

Какой могучий запас энергии, силы воли, жизнелюбия и др. заложила природа в этом человеке. Родился (май 1918 г) и вырос в небольшом селе в Винницкой области в очень тяжёлое время. Но поступил и блестяще окончил лучший университет. А тут война. Сразу после экзамена – в действующую армию. Всю войну прошёл артиллеристом. Кстати, не помню от кого слышал, что свои вторые имя и отчество – Андрей Михайлович он взял в память о погибшем фронтовом друге.

Но после фронта к физике не охладел и очень успешно работал в Курчатовском институте. И этим не удовлетворился, хотя карьера в уютной Москве ему была обеспечена. Создал сам свой институт в Сибири с нуля. И не хуже, а во многих отношениях и лучше Курчатовского.

И все магистральные направления в той области физики, которой занимался А.М. Будкер – ускорители и заряженных частиц, и термоядерный синтез – предложены им и осуществлены ИЯФ под его непосредственным руководством.

1. Открытые магнитные системы для удержания горячей плазмы в своё время были известны, как «ловушка Будкера – Поста».

2. Встречные пучки. В то время, когда их предложил А.М., это казалось почти фантастикой, а сейчас все ускорители на большие энергии работают только на встречных пучках.

3. Электронное охлаждение протонного пучка – те же комментарии что и к встречным пучкам.

4. Компенсация пространственного заряда протонов в ускорителях.

5. Перезарядная инжекция протонов в ускорителях.

6. Использование синхротронного излучения.

7. Внедрение сильноточных ускорителей электронов в промышленность (радиационные технологии)

На компенсации пространственного заряда протонов в ускорителях остановлюсь немного подробнее, т.к., в конце-концов, решение этой задачи было поручено мне.

Ровно 50 лет назад в 1964 г.(!), как раз в год нашего поступления в Университет на конференции во Фраскати (Италия) Будкер предложил компенсировать пространственный заряд протонов на дорожке ускорителя неподвижным облаком электронов. На первый взгляд идея проста (как собственно и все идеи А.М.). Электроны «вморожены» в магнитное поле ускорителя, протонному пучку не мешают (сечение взаимодействия мало) и компенсируют своим отрицательным зарядом положительный заряд протонов. Тем самым протонный пучок не разваливается при любой интенсивности. Но оказалось не всё так просто. Чириков быстренько всё посчитал, и оказалось, что такая система неустойчива. Развивается мощная когерентная широкополосная неустойчивость, и пучок сбрасывается.

В лаб. №7 Г.И. Димова, куда я пришёл на практику в 1967г., эту неустойчивость впервые наблюдали экспериментально. Казалось бы, на этом можно было и успокоиться. Так бы поступили в большинстве лабораторий. Тем более, что интенсивные протонные пучки можно получать просто, строя ускоритель в 10 – 100 раз больше. Но Будкер не был бы Будкером, каким мы его знаем, если бы бросил эту задачу. Некрасивые решения – не для него. Была поставлена задача стабилизировать эту двухпучковую неустойчивость. Специально для этой цели решили построить небольшой протонный накопитель, расчёт магнитной системы которого и был моей дипломной работой. Так на 10 лет я связался с этой задачей. Сначала работали вдвоём, через 2 года я остался один. Работа шла туго. Одному аспиранту, а затем мнс, кем я тогда был, справиться с таким крупным комплексом было далеко не просто. На ремонты и модернизации уходило гораздо больше времени, чем на решение задачи. Это черта всех крупных экспериментальных комплексов. Как я уже писал, начало 70-х для ИЯФа было время тяжёлое. А.М. серьёзно болел. Но, с другой

стороны, даже и в те годы на закрытие работы никто не покушался и, более того, мне были приданы лучшие лаборантские и инженерные силы лаборатории. К середине 70-х обстановка значительно улучшилась, а к 1975 г. задача была успешно решена и убедительно подтверждена экспериментально. Абсолютный предел по пространственному заряду был превзойдён более чем в 10 раз. И Будкер к тому времени был полон энергии, и Институт был на подъёме. Жизнь налаживалась. А.М. решил строить большой протонный накопитель с компенсированным протонным пучком. Была создана рабочая группа в составе В.Дудникова (источник отрицательных ионов водорода для перезарядной инжекции в накопитель), Р.Салимова (линейный ускоритель - инжектор), В.Балакина (накопитель) и меня. Мне была поставлена задача усовершенствовать систему стабилизации неустойчивости. Вот было время! Казалось, настал мой звёздный час.

Я думаю, для большинства наших выпускников время с середины 70-х до конца 80-х время было самое лучшее. Уже была приличная зарплата и сносное жильё. Дети подрастали. А мы ещё были молоды (может это главное?).

И вот, когда уже был подготовлен доклад на первую в СССР крупную международную конференцию по ускорителям заряженных частиц (Серпухов 1977г), куплены билеты на самолёт, пришла БЕДА. Умер Андрей Михайлович Будкер. Оторвался тромб. Ему исполнилось только 59 лет! Он был на 8 лет моложе, чем большинство из нас сейчас. Институт был в шоке. Не было слышно громких разговоров. Думаю, что не было ни одного человека, кто бы остался равнодушен к этой беде. Казалось, да так оно и было, в самом деле, что каждый из нас потерял близкого человека.

Моя звезда со смертью Будкера закатилась. Проект закрыли. И надолго ускорительщики забыли об оригинальной идее Будкера и её воплощении в ИЯФ. И только сейчас, спустя более 35 лет, эта тема поднимается в ускорительном сообществе.

Как то на Учёном совете ИЯФ А.М. Будкер рассказывал Е.П. Славскому о проектах ИЯФ Министр МСМ всегда и очень существенно поддерживал ИЯФ. На деньги МСМ было построено экспериментальное производство ИЯФ (и жилые дома). Ефим Павлович, а ему в то время было около 73 лет, пошутил. «Вы, молодёжь, напридумываете всякие фантастические проекты, поумираете, а мне потом расхлебывать». К сожалению, по отношению к Будкеру эта шутка оказалось пророческой. Е.П. пережил А.М на 14 лет и умер в 1991 г. в возрасте 88 лет. Но ИЯФ Славского и после смерти Будкера никогда не

подводил. Так что краснеть за ИЯФ ему не пришлось. Что не скажешь об атомном энергостроении. За аврию в Чернобыле в 1986 г. его сняли с должности. А зря. Таких организаторов беречь надо. Хотя тогда страна уже начинала разваливаться, и усилиями даже таких гигантов её было уже не спасти. Их было слишком мало, и не они играли первую скрипку в государстве.

Василий Пархомчук. О Будкере

Первая премия по физике, подписанная Будкером и Ляпуновым, открыла мне возможность учиться вначале в ФМШ, а затем и на физфаке Университета.

Учёба в Университете открывала другой мир – точной науки, законов Природы. В эти годы шло быстрое развитие науки и особенно ядерной физики. В нашей группе преподавателем был И. Н. Мешков, и он привлёк меня к работам в Институте ядерной физики. На первом курсе Г.И. Будкер прибыл принимать экзамен по курсу электродинамики и спросил Игоря Николаевича, есть ли у него достойный студент, у которого он примет экзамен. Я сильно заволновался, когда Будкер подсел ко мне и стал

спрашивать по билету. Правда, довольно быстро мы переключились на более общие вопросы физики, и я даже немного удивился, что всё закончилось пятёркой.

Позднее, когда я, работая в ИЯФе, почувствовал тягу к перемене мест и съездил в Иркутск, где создавался новый Научный центр, моя супруга успела донести Будкеру об этом (через Балакина). Когда я вернулся обратно, меня вызвали в кабинет Будкера. Он грозно спросил: «Тебе что, нечего делать в институте?». Услышав жалкий лепет об интересной физике на Солнце, он отправил меня заниматься электронным охлаждением, чем я и занимаюсь до сих пор.

В 70-ые годы Будкер заболел и был направлен в санаторий в Коктебель. Там ему показалось скучно. Меня вызывали в дирекцию и говорят: «Ты ведь был аспирантом Будкера, вот и отправляйся к нему для научных бесед». Был сентябрь, и народу в Крыму было немного... Меня поймала какая-то шустрая бабушка и со словами: «Ты будешь жить в яблоневом саду», поселила в дощатую пристройку к курятнику. Петухи меня будили довольно рано, и я отправлялся на пляж санатория, где Будкер обсуждал проект протон - антипротонного коллайдера с электронным охлаждением в Серпухове (Протвино). Результатом бесед стал препринт на эту тему, доработанный позднее в ИЯФ с участием более опытных учёных до реального предложения. Экономические проблемы не позволили его реализовать в России, но в Америке благодаря мозгам и рукам выходцев из нашего института он заработал.

Установки электронного охлаждения, созданные с моим участием, работают сейчас в Германии и Китае, в Швейцарии, на Большом адронном коллайдере. Некоторое сожаление вызывает то, что в России так никому это и не пригодилось. Правда, сейчас мы создаём подобную установку для ион-ионного коллайдера в Дубне. Данная работа, быть может, окажется более везучей. Во всяком случае, надежда на это ещё не умерла.

Семен Мушер. Четыре истории про Будкера

Второй семестр первого курса. Первая лекция по механике. Читать должен знаменитый Андрей Михайлович Будкер, лауреат Ленинской премии, директор Института ядерной физики (легендарного ИЯФа). Опаздывает, большая физическая аудитория заполнена. Входит, бледный, рыжий, с изрядной лысиной, весь в черном, прохаживается молча взад-вперед у доски, поскрипывая черными блестящими туфлями с длинными носами, полная тишина. Наконец тихо начинает: «Когда я в 41 году добровольно вступил в армию, добровольно выступить обратно я уже не мог. Так и вы с физикой...». Мурашки побежали по спине от необычности речи и от сознания неотвратимости своей физической судьбы.

Будкер на лекции рассказывает про электрон и говорит, что у него спин может находиться только в двух состояниях: вверх или вниз. Потом решает, что понятие дискретности для нас внове и полезно пояснить примером: «Спин – это как беременность. Женщина может быть либо беременной, либо нет. Немножко беременной женщина не бывает». В Институте ядерной физики нравы были простые, и директор ходил в тот же туалет, что и обычные сотрудники. Как-то раз к кабинке решительным шагом подошел углубленный в свои размышления теоретик и крепкой рукой дернул дверку. Разболтанный крючок сорвался, и он предстал перед директором института Будкером, уютно сидящим на стульчаке со спущенными штанами. Теоретик окаменел. Присутствующие в туалете по мелким делам – тоже окаменели. Разрядил ситуацию академик. Он протянул руку и сказал: «Будкер». Теоретик ощутил себя в знакомой ситуации научных конференций, ответно пожал руку, тоже представился и спокойно вышел.

Для защиты от излучения ускорителей, устанавливаемых в боковых пристройках-кубиках главного здания ИЯФа, требовалось заложить в стены большое количество дефицитного свинца. Будкеру пришла в голову остроумная идея - хранить в стенах ИЯФа вместо спецхранилищ часть стратегического запаса свинца. Знаменитый Ефим Славский –

бывший конник Первой Конной и первый министр атомной отрасли – охотно согласился с предложением. И в Академгородок быстро прибыли поезда со свинцом на открытых платформах в виде аккуратных чушек с двумя ручками. Прекрасный, чистый заработок для студентов: взять чушку и скинуть на землю. Как раз в это самое время Будкеру и другим руководителям ИЯФа пришлось решать, как примерно наказать так называемых «подписантов» – научных работников Института, подписавших коллективное письмо в защиту осужденных московских диссидентов. Вот и предложили отправить подписантов в «свинцовые рудники», т.е. на разгрузку свинцовых чушек с платформ. Никто из них, конечно, не пошел туда, так что студенты с радостью и выгодой разгрузили весь свинец. Наказание «своих подписантов» было несерьезным, для вида, но выглядело устрашающе, так что за границей руководителям ИЯФа пришлось потом объясняться перед либеральными коллегами.

Один урок Румера

Мало кто из нас слышал тогда про десятилетний лагерный срок Юлия Борисовича Румера, про совместную работу с Борном, Ландау и Эренфестом, про создание своей теоретической школы, но масштаб его личности ощущали все. Внешность этому сильно способствовала: огромный вытянутый кверху лысый череп (скорее «купол»), высокий рост, осанистая фигура, и низкий голос «как в трубу». Румер читал нам курс термодинамики и статистической физики. Читал классически, все время у доски с мелом, без шуток и ораторских приемов. Сосредотачиваясь на предмете, любясь им. Как в старые добрые времена, откуда и был он сам. Тем сильнее был эффект, когда Румер вдруг спросил у аудитории: «Знаете, кто такие эквилибристы?». На тривиальные слова из первых рядов: «Это в цирке» прозвучал правильный ответ: «Нет. Эквилибристы – это такие люди, которые сами себе на голову могут нагадить».

Лев Рыбак. О Будкере

На первом курсе во время одной из первых лекций А.М. Будкер сказал: «Я не буду учить вас физике, а буду учить жизни. Книжку Ландау вы сами прочтете». А на другой лекции он объявил: «Шахматы – это игра не для физиков. Это все равно, как если бы грузчик пришел с работы и стал бы развлекаться гантелями». Но зато он объяснил нам, как играть в преферанс. И мы играли после этого два-три месяца в преферанс, а потом интерес пропал. А в армии Будкер был командиром части прожектористов, где частенько выписывал спирт для протирки оптических осей.

Иногда он хвалился тем, что Ландау называл его ядерным инженером. Но я помню, что Ю.Б. Румер утверждал, что для Ландау слово инженер было не очень уважительным. Он, бывало, говорил о ком-то: «Он – не ученый, он – инженер».

Первая лекция по «Теории поля» на втором курсе, которую должен был читать Будкер, началась неожиданно. В аудиторию вошел В.Г. Зелевинский и сообщил, что Андрей Михайлович не помнит такого случая, чтобы второй курс не ездил в сентябре в колхоз, и поэтому он заболел?! И первые две - три лекции В.Г. Зелевинский читал нам «Введение в тензорный анализ». А потом уже курс «Теории поля» читал А.М. Будкер.

О Румере

В начале второго семестра на первом курсе я увидел объявление о наборе в группу теоретической физики. Я пришел записываться, оказалось, что Ю.Б. Румер набирает в свою группу. Я, видимо, был одним из первых, кто пришел, потому он назначил меня старостой этой группы. Нас было человек пятнадцать. Занятия проходили в формате семинаров. А.И. Фет читал нам курс «SU(3) группы симметрий». Ю.Б. Румер проводил беседы о физике. Он учил нас философии физики! Вот некоторые из историй Юрия Борисовича:

В начале века на заседании кафедры математики Мюнхенского университета обсуждают вопрос: нужно ли студентам рассказывать о матрицах. Решают – не нужно! Прошло лет 20... К Борну приходит Гейзенберг и говорит, что он придумал другой вариант описания квантовой механики. Но в этом методе не выполняется закон коммутативности, а такого не может быть в математике. Где-то закралась ошибка? Борн восклицает: «Так это же матрицы!».

Еще одна история:

Борн предложил Юлию Борисовичу поехать к Эйнштейну на собеседование. Румер приехал, Эйнштейн был доволен беседой, сообщил, что берет его к себе, но сначала он непременно должен увидеть его жену: «Бывают такие женщины, которые не дают заниматься физикой». Ю.Б. Румер предложил привести жену к Эйнштейну. Эйнштейн возразил: «Это для нее очень большая честь». В результате Румер с женой гуляли по городу, а Эйнштейн на них поглядывал. Жена Румера Эйнштейну понравилась!

Очень интересно Ю.Б. рассуждал о том, что кварки – это удобный формализм, удобный способ думать. Он рассказывал нам, что бывают случаи, когда уравнения умнее тех, кто их вывел, и приводил в пример уравнение Дирака для энергии электрона $E = \pm \sqrt{p^2 c^2 + m^2 c^4}$. Пытаясь осмыслить то, что получилось (т.е. что энергия может быть и со знаком «+» и со знаком «-»), Дирак пришел к идее позитрона.

Весной 1968 года в городке состоялся фестиваль бардовской песни. Очень хотелось попасть на концерт, но у меня не было билета. И вдруг я увидел Юлию Борисовича, который подошел ко мне через толпу и сказал: «У меня есть лишний билет, но я отдам его моему ученику». И я получил желанный билет на этот концерт! Это была наша последняя встреча.

Андрей Тильга. Об академике Будкере

Я уверен, что многие напишут о лекциях Г.И. Будкера на первом курсе. Добавлю свои пять копеек: запомнилась его небесспорная сентенция: «Я не играю в шахматы. Физику-теоретика играть в шахматы – это как грузчику после работы заниматься штангой».

Есть знаменитый портрет, где Будкер энергично опирается одной рукой на стол, в зеркальной поверхности которого сам же и отражается. Я немного занимался фотографией и хочу сказать, что портрет этот просто блеск – по композиции, экспрессии, светопередаче. Он отличался от всего, что было в те годы.

Однажды в кинотеатре «Москва» задержали сеанс, включив свет после киножурнала. Зрители потихоньку роптали, потом разом обернулись. Будкер шел по проходу с молодой дамой в алом пальто невероятной формы. Прошли и сели в самом центре зала. Я думаю, что академики М.А.Лаврентьев или С.Т.Беляев не могли себе такого позволить. А Будкер позволял. Сейчас бы сказали: имидж, PR.

Константин Лобанов. Просто эпизоды о преподавателях

О Будкере и Валицком.

На лекции Будкера в БФА (теперь аудитория им. Будкера) многие стремились занять передние места, и как только БФА открывали, толпа вламывалась в аудиторию, выдавливая стеклянные панели дверей. Однажды это вполне удалось и Будкер, увидев грудку осколков, лишь довольно улыбнулся. А Валицкий, читавший мат. анализ после Будкера, с удивлением посмотрев на дверь, вошел в аудиторию, не открывая ее.

Только о Будкере.

Еще один эпизод, произошедший, кажется не на лекции Будкера в НГУ, а на семинаре в ИЯФе, показывающий своеобразие его мыслей. В начале семинара Будкер пообещал обязательно что-то обсудить (уж не помню что), но время истекает, ясно, что на обсуждение времени не хватит и Будкер, оправдываясь, говорит: «Мы не успеваем это

обсудить, но мы не будем рабами своего слова. Вообще, не нужно быть рабом своего слова, нужно быть его хозяином». Обсуждение, естественно не состоялось.

И снова о нем.

Приведу еще некоторые высказывания Будкера:

«Правительство нас поддерживает, как веревка поддерживает повешенного».

«Если смотреть на свое дело сквозь пальцы (показывает пальцы одной руки), то потом рискуете смотреть на мир вот так (скрещивает пальцы обеих рук в виде решётки)». «Если человек заболел в Москве, то он идет к врачу, а если заболел в Новосибирске, то уезжает в Москву».

«НИИ дали задание разработать способ получения масла из навоза. Разбили задание на два этапа: 1. Чтобы оно намазывалось и 2. Чтобы было питательно. Через год НИИ рапортует: половина задания выполнена, оно уже намазывается».

Как-то прочитал в «Науке и жизни» статью, где многократно упоминался «советский ученый Будкер». Неужели у людей такая короткая память?

Три эпизода, связанные с именем Андрея Васильевича Бицадзе.

1. Перед началом занятий курс в полном составе (все факультеты) собрался в кинотеатре «Москва» (теперь д. к. «Академия»). Нас «напутствовали» (среди прочих) Аганбегян, Солоухин, Бицадзе. Именно в такой последовательности – это важно.

Рем Иванович Солоухин был высокого роста и, естественно, поднял микрофон, чтобы его было слышно: зал- то огромный. За ним выходит Андрей Васильевич (а рост у него небольшой) и начинает говорить без микрофона – просто ему до него не дотянуться. В зале начинается шум: в задних рядах ничего не слышно. Бицадзе удивлен, ему объясняют причину шума, Бицадзе удивляется еще больше и говорит: «У меня достаточно громкий голос, я читал лекции студентам в Сан-Франциско и меня там все слышали».

В зале, естественно смех.

2. В главном здании НГУ под БХА (теперь аудитория им. А. И. Мальцева) на первом этаже была небольшая столовая (может быть и сейчас есть). Однажды заходит туда Бицадзе, берет лангет (жареный кусок мяса под каким-то соусом) и требует нож (для мяса). Ему отвечают, что ножей здесь не полагается, Бицадзе требует позвать зав. производством. Столовая маленькая, зав. производством тут, недалеко, подходит, объясняет, что это не ресторан, ножей здесь не полагается.

Бицадзе спрашивает: «А чем же резать мясо?». Зав. производством отвечает: «А Вы зубками, зубками». Бицадзе: «Что?! Я профессор Новосибирского Государственного Университета, я читал лекции студентам в Сан-Франциско, и должен рвать мясо зубами, как дикарь?!». Кажется, ему принесли нож, которым резали хлеб.

3. В Ак. городок из Саранска приехал учиться в аспирантуре некто Маргулис (м. б. Моргулис – не помню). Естественно, он еще никого не знал. Заходит он как-то в ресторан, все столики, кроме одного, заняты, а за ним сидит только один человек. Маргулис подсаживается к нему и слышит: «Молодой человек, я – БИЦАДЗЕ». Что здесь за странный обычай представляться в ресторане, удивляется Маргулис, и отвечает: «А я – Маргулис».

Бицадзе уже вне себя: «Молодой человек, я профессор Новосибирского Государственного Университета, я читал лекции студентам в Сан-Франциско!!!».

Маргулис предпочел ретироваться.

О полковниках Корневе и Полевом.

В сентябре 1964-го года весь курс был направлен на уборку картошки, жили в пионерском лагере вблизи поселка Морозово. И вот картофельная эпопея подходит к концу, всех выстроили на площади, выступает полковник Корнев и произносит фразу: «Сосредоточить все кровати в корпусе 2».

Это, так сказать, завязка, а продолжение на лекции по истории КПСС: Хо Ши Мин (кличка доц. Демидова) рассказывает что-то про РСДРП и говорит: «В то время ЦК

РСДРП, выражаясь языком полковника Корнева, сосредоточивался в Минске». Аудитория «легла».

Еще на военной кафедре был полковник Полевой (не путать с п-ком Половым, о котором я слышал только, что его жену звали Любовь), который часто читал лекции о международном положении, и читал их примерно в таком духе: «Президент Никсон поехал с визитом в Индию, встретился там с Индирой Ганди (далее голос лектора понижается) и вы знаете, ЧТО он ей предложил?».

Аудитория, естественно, живо реагирует.

Владимир Варнек. Наши педагоги

Вспомню некоторых наших педагогов. Неизгладимое впечатление еще на первом курсе оставили лекции доцента Валицкого по мат. анализу. Читал он их с вдохновением, ясно, четко, ни одного лишнего слова не говорил, и конспектировать его было одно удовольствие.

Очень величаво, неторопливо и понятно читал стат. физику профессор Румер. Иногда, помню, он чуть-чуть приоткрывал завесу прошлого – тех лет, когда наши прославленные физики работали над проблемами обороноспособности страны за колючей проволокой. Румер напоминал мне человека-глыбу, и памятник ему на нашем южном кладбище – огромный камень-булыжник, – ему под стать.

Иначе воспринимались лекции по теории поля, которые читал импозантный профессор Будкер. Входил он в физическую аудиторию неторопливо, словно на помост со штангой. Лекцию тоже начинал читать неторопливо, и одновременно рука его начинала писать на доске компоненты тензора электромагнитного поля. Но вскоре он переставал писать формулы, задумывался и, поворачиваясь к аудитории, спрашивал с виноватой улыбкой: «А нет ли у кого Ландау»? «Ландау» в первых рядах всегда у кого-то находился, и Будкер, глядя уже в учебник, продолжал свою лекцию. И удивительное дело. Сверяя иногда лекцию с книгой, я видел, что в ней было все понятней, чем в учебнике. Приходилось при подготовке к экзамену сожалеть, что не все лекции Будкера имеются в тетради.

Расскажу со слов Владимира Ерохина одну любопытную историю из его университетской жизни. В один из семестров Ерохину, бывшему, в какой-то степени разгильдяем, сильно повезло – он сдал на отлично, кажется три экзамена и только тройка по дисциплине Румера лишала его возможности получить повышенную стипендию. Имея огромное желание ее получить, он позвонил Румеру и сказал, что один нерадивый студент получил тройку на его экзамене и очень хотел бы пересдать его на «отлично». «Подходите к подъезду моего дома» – ответил Румер, назвав время, когда это надо было сделать. Продолжая свой рассказ, не могу не выдать одного секрета, что, в связи с истечением срока давности, может быть мне прощено. Ерохин предвидел вопрос Румера о том, за какой билет на экзамене ему поставили тройку, и вызубрил почти наизусть лишь тот билет, который и так знал хорошо. В назначенное время он ждал Румера у подъезда его дома, и вскоре знаменитый ученый вышел в кедах и спортивной форме, сообщив, что у него утренний моцион и экзамен будет приниматься на ходу. «Какой у Вас был билет?» - спросил Румер. Вернувшись после кратковременной прогулки, Румер произнес вождельные слова: - «Где Ваша зачетка?» Вопрос о повышенной стипендии был решен.

Юрий Идельс. Сушая правда

Когда пять лет назад я приезжал на встречу выпускников, то, выступая, говорил о том, насколько мы обязаны нашим преподавателям. И это сушая правда. Но, в то же время, в памяти сохранился ряд забавных эпизодов, связанных с преподавателями. Вот некоторые из них.

Поздравление Ашота Сергеевича

Ашот Сергеевич Машурян вёл у нас на первом курсе семинар по мат. анализу. В то время 8 марта ещё не было выходным днём. Это был обычный рабочий (и, соответственно, учебный) день. В этот день, т.е. 8 марта 1965 года, у нас как раз был семинар по мат. анализу. Ашот Сергеевич вошёл в аудиторию и сказал с характерным акцентом:

- Позвольте поздравить вас...

Наши немногочисленные девочки заулыбались и сделали приятные лица. Ашот Сергеевич продолжал:

- ... с окончанием темы «Неопределённый интеграл».

Таково было поздравление Ашота Сергеевича в день 8 марта.

Помню и ещё один довольно забавный эпизод с участием Ашота Сергеевича – и тоже в разговорном жанре. Во втором семестре Ашот Сергеевич дал нам писать контрольную работу. Задачи были трудные, и справились с ними немногие. На перемене ребята окружили Ашота Сергеевича, обсуждали результаты, и кто-то спросил:

- Так что, Ашот Сергеевич, контрольную будем переписывать?

Ашот Сергеевич ответил:

- Нет, не ПЕРЕПИСЫВАТЬ, а ЗАНОВО ПИСАТЬ. Если ПЕРЕПИШЕТЕ, я опять двойку поставлю!

Между прочим, у меня с Ашотом Сергеевичем связано ещё одно интересное воспоминание, но на этот раз не из области юмора, а вполне серьёзное. Семинары по мат. анализу проходили параллельно в нескольких группах. И вот мы заметили, что в других группах уже перешли к производным, а мы всё ещё занимаемся теорией пределов. Кто-то из ребят спросил Ашота Сергеевича, почему же так происходит? Ашот Сергеевич сказал:

- Я слышал, что в цирке научили лошадь брать производные. А теория пределов – это основа.

Тогда я не смог в полной мере оценить эти слова, но впоследствии, после изучения всего мат. анализа, дифф.уров и т.д. я не раз о них вспоминал. Действительно, не разобравшись как следует с пределами, дальше трудно что-либо понимать!

Образная речь Ю.Б. Румера

Лекции Румера всем доставляли удовольствие. Речь у него была очень хорошая, и мысли он излагал чётко и ясно. А иногда у него проскальзывали забавные пассажи, которые только придавали его изложению дополнительный блеск.

Так, рассказывая о сверхтекучести и о гелии-3, Юлий Борисович сказал, что вот есть такой прибор – вискозиметр, в котором вязкость жидкости определяется по времени протекания по капилляру. А дальше Румер выразился так:

- Но если в вискозиметр налить гелий-3, то никакой самый ловкий экспериментатор не успеет нажать на часы, чтобы зафиксировать время протекания.

Рассказывая о фазовых переходах, Румер вывел формулу, в которой в знаменателе стоял скачок энтропии. Юрий Борисович сказал так:

- Никто не понимает, что такое скачок энтропии. Тогда поступают так: умножают числитель и знаменатель на температуру. В знаменателе получается величина, имеющая размерность теплоты. Тогда говорят, что это скрытая теплота фазового перехода. По-прежнему никто ничего не понимает, но все успокаиваются.

Юмор Джурды Константиновича

Джурды Константинович Гвазава, который вёл у нас семинары по ТФКП, несомненно, обладал изрядным чувством юмора. Мне запомнился маленький эпизод. Перед началом одного из занятий Джурды Константинович решил сделать переключку. Я, как староста группы, дал ему журнал, и он начал проверять, кто присутствует, а кто нет. Дойдя до Кашникова, Джурды Константинович не обнаружил его в аудитории. Я ему сказал:

- Кашников есть, Джурды Константинович. Он только на минуту вышел. Вот стоит его портфель.

Джурды Константинович отреагировал мгновенно:

- Так и запишем. Присутствуют 20 человек и портфель Кашникова.

Откровения подполковника Гончарова

Немало юмористических воспоминаний оставила по себе военная кафедра. Одной из ярких личностей военки был подполковник Гончаров, который преподавал гражданскую оборону. Прежде всего, вспоминается его манера начинать занятия. Если он входил в аудиторию, а внимание слушателей было чем-то отвлечено, он говорил так:

- С вашего разрешения, разрешите начать лекцию.

Товарищу Гончарову принадлежит следующее высказывание, врезавшееся мне в память:

- Наши ракеты могут поразить врага на Аляске и на других *контингентах*.

Рассказывая об отравляющих веществах, подполковник Гончаров сообщил, что V-газы могут даже вызвать раздвоение личности. Разумеется, его спросили, как же это удалось установить? Ответ был таким:

- Проводили опыты на собаках.

Оговорки полковника Корнева

Однажды полковнику Корневу поручили вести в нашей группе занятия, когда заболел наш руководитель подполковник Мушников. Товарищ Корнев был с нами незнаком, а фамилии были вписаны в журнал от руки. Он решил вызвать нескольких студентов, чтобы они ответили на вопросы. Судя по всему, почерк у Мушникова был неважный. Сначала полковник Корнев, пристально всматриваясь в журнал, сказал:

- Студент Орышцы!

Но на этом тяга полковника к букве «Ц» не закончилась. Следующей жертвой пал я. Полковник снова долго изучал список, а потом сказал:

- Студент Цельс!

Так я получил кличку, которая сохранилась до сего дня – по-прежнему некоторые друзья так меня и называют.

Советская военная доктрина в изложении полковника Гришутина

Но венцом всего явилось изложение советской военной доктрины начальником военной кафедры полковником Гришутиным, который вёл у нас предмет «Партполитработа». Лекция, посвящённая советской военной доктрине, длилась полтора часа, но суть её в интерпретации полковника Гришутина сводилась к трём основным положениям:

Положение первое. В современной войне решающим является её начальный этап. Кратко это можно выразить так: «Кто начинает войну, тот её и выигрывает».

Положение второе. Природа социалистического строя такова, что мы первыми напасть никак не можем. Не в природе социалистического государства быть агрессором.

Положение третье. Однако неизбежность исторического развития такова, что если новая война будет развязана, мы её обязательно выиграем!

*

Заверяю, что я ничего не придумал. Всё это было на самом деле!

Анатолий Тоболов. О полковнике Гришутине

С войной не шутят! Это только в детстве мальчишки бредят войной и играют в солдатиков! Военная кафедра НГУ под предводительством неподражаемого полковника Гришутина была создана не абы-кабы, а для подготовки если не ополчения научной интеллигенции в случае войны, то, во всяком случае, для создания командиров начального

звена, способных командовать хотя бы комбайнёрами, трактористами и другими колхозниками, оторванными от пашни, в составе отделения. Со стрелковым оружием большинство из нас научились обращаться ещё в школе на уроках военной подготовки. Ну а военную тактику нам предстояло впитать теперь на военной кафедре.

Утро дня военной подготовки на военной кафедре всегда начиналось с линейки, когда все военнообязанные студенты, построенные повзводно, должны были как на параде приветствовать нашего неповторимого полковника Гришутина громоподобным «Здравия желаем товарищ полковник!» и позволить ему осмотреть каждого из нас на предмет выправки, т.е. военной осанки, степени затянутости ремня и наличия галстука.

Всё из-за галстука и произошло. Независимо от того, во что ты одет, в свитер или рубашку с коротким рукавом, на утренней поверке тёмный галстук монотонной расцветки на тебе должен быть! Вот должен быть по уставу, и всё тут! Многие предпочитали галстуки на резинке с постоянным узлом, так называемые «гаврилки», чтобы утром в общежитии быстро надеть этот галстук, не затрачивая усилий на узел, и поспеть через лес два километра лёгким бегом на разводку. Иногда это выглядело нелепо, когда студент в валенках, в свитере и в галстуке – «гаврилке», вытянувшись «во-фрунт», заикаясь от волнения и краснея от смущения, докладывал дежурному офицеру кафедры о наличии слушателей во взводе. Швейку и не снилось! Но что делать, порядок есть порядок! Так заведено!

Однажды Витя К., обладавший уникальной памятью, знавший наизусть роман «12 стульев» и цитировавший из него многие выражения, и при этом, весьма кстати, что вызывало всеобщий смех, имел неосторожность явиться “на военку” одетым не по форме. Впопыхах утром, чтобы не разбудить товарищей по комнате, не зажигая свет, на ощупь в шкафу он схватил первый попавшийся, как оказалось чужой, галстук, не «гаврилку», сунул в карман и побежал лёгким бегом навстречу своей судьбе, стало быть на встречу с зав. кафедрой полковником Гришутиным.. А галстук был повязан большим супер - узлом «а-ля-Виндзор» с изображением какой-то женской рок-группы из «банановой республики». Галстук был куплен, скорее всего, на знаменитой Западно-Сибирской барахолке, да и повязан там же. Вот полковник делает обход всех потенциальных младших офицеров, стоящих навтыжку, обходя их с тыла, и делая лёгкие замечания. Остановившись перед Витей, он вдруг изменился в лице, побагровел и громко, как и подобает Главкому, откашлявшись, спросил, сверля глазами неудачника: «Это что за бл@ди у вас на груди, товарищ студент, я вас спрашиваю?» Витя, смутившись: «Это галстук, товарищ полковник.» Гришутин: «Я вижу, что галстук. Но на галстуке полнейший разврат!» Витя, не сдаваясь: «Это группа Битлз, товарищ полковник!» Полковник: «Уж лучше бы вы простую верёвку повязали». Смешок из строя: «Он ещё успеет, товарищ полковник– впереди ведь сессия!» Строй заржал минуты на две. Полковник тоже засмеялся, и потом доброжелательно Вите: «Зайдёте ко мне в перерыве! А сейчас всем заниматься делом!»

Всех разбирало любопытство, что же будет после перерыва. Когда Витя вернулся из преподавательской комнаты, нетерпеливые коллеги его просто замучили вопросами. А он, взъерошенный, но счастливый, рассказал, что полковник собрал всех офицеров, попросил их вооружиться увеличительными стёклами и хорошенько рассмотреть изображение на галстуке. Уж больно его мучило сомнение, что это вовсе не ливерпульская четвёрка. И ещё он попросил Витю развязать и снова завязать галстук на глазах у всех офицеров кафедры. Ну, очень красив и элегантен был этот британский узел! Он понравился всем офицерам - преподавателям. При этом все они с армейской обязательностью аккуратно зарисовали пошаговую схему, как завязывать узел. А Вите до конца занятий был выделен стандартный армейский галстук с простым узлом. А ещё полковник очень вежливо попросил Витю принести на неделю, если это возможно, роман Ильфа и Петрова «12 стульев». С книгами тогда ведь было трудновато.

Я рассказал эту историю, чтобы убедить всех, кто прочтёт её, что в нашей армии служат вполне нормальные и интеллигентные люди. Их дотошность, отсутствие неразберихи во всём, что касается военного дела, понимание сущности военных проблем является залогом того, что в нужный момент в нужном месте будет запущен космический объект или пущена ракета по противнику. На гражданке мы даже не подозреваем, что круглые сутки осуществляется боевое дежурство. Эти люди незримы. Но пока они есть, нам обеспечена безмятежная жизнь! Такая разная, но мирная!

Ряд Лорана, и никаких гвоздей...! (о Крушкале)

Идёт очередной экзамен, на этот раз по ТФКП. Для тех, кто забыл, это теория функций комплексного переменного. Наука очень сложная для математиков, а для физиков и подавно! Вычеты, особые точки функций, интегралы по контуру. В аудитории все углублённо готовятся отвечать по своим билетам. У некоторых студентов вытянутые и очень озабоченные лица. Заранее всем известно, кто из преподавателей зверствует и «валит», а кто – нет. Но сейчас принимает только один, очень нервный и энергичный. Внезапно дверь аудитории приоткрывается и в проём просовывается только голова, курчавая и темноволосая. Голова Володи П., нашего алтайского Шварценеггера из Барнаула. Он всеобщий любимец и весельчак не только в своей группе 4306, но и на всём нашем курсе! Обладая красивой идеальной фигурой и чудовищной силой, он, тем не менее, бывает очень нерешителен как с девушками, так и с преподавателями при сдаче экзаменов.

Я был свидетелем, когда однажды мы вместе готовились к одному экзамену. Готовились основательно. У меня была уверенность, что отметка «хорошо» как минимум нам обоим в зачётке обеспечена. Я получил «Отл.», а он ухитрился от волнения лепетать такую несуразицу, что схватил “Уд.”. Но ушёл действительно довольным с экзамена.

А ещё наш богатырь был способен необъяснимо проявлять такой артистизм, что мог бы смутить своей обаятельностью кого угодно. Был так же падок на розыгрыши и авантюры. Вот в этот раз на спор он выучил довольно хорошо только один билет №13. Нельзя сказать, что он не знал ТФКП. Знал, конечно, в определённых пределах, но никому об этом не рассказывал, в том числе и преподавателям. Он задумал дерзкий номер, который при плохой игре мог и не пройти. Суть состояла в том, что он вытягивал билет, потом делал испуганное лицо и быстро клал билет на стол, не забывая при этом смешать листки. Говорил преподавателю, что билет №13, а он в силу своей суеверности очень боится этого номера в жизни. Каждый нормальный человек посочувствует и позволит вытянуть другой билет. Но тут Володя сам пробует изобразить раскаяние и готовность отвечать именно по билету №13! Только бы он не оказался на руках!

На этот раз наш герой ещё не знает, как ему повезло! Ему, Володе, попался своеобразный экзаменатор, молодой и успешный математик Крушкаль Самуил Лейбович, видимо недавно защитивший кандидатскую диссертацию, но продолжавший оставаться полным амбиций! Увидев голову в дверном проёме, Крушкаль, как математик, возмутился – возникла неопределённость! Или вы в комнате, или вы вне комнаты! Он потребовал, чтобы алтаец вошёл и перестал быть полюсом или особой точкой! Володя вошёл и стал что-то говорить насчёт экзамена, забыв поздороваться с Самуилом Лейбовичем. Того понесло от неслыханной непочтительности! Губы в слюне, подходящие слова не приходят сразу на ум, а тут какой-то дикарь, ну вылитый Кинг- Конг! « Да как вы стоите? Да что вы здесь балаган устраиваете? Да я вас сейчас выгоню и поставлю двойку, то есть наоборот, сначала поставлю..!» Володя не даёт лавине обрушиться на себя со всей силой и перехватывает инициативу: ”Профессор!” Крушкаль расплылся в улыбке. Его ещё никто так не называл, да и профессором, видимо, ему предстояло только стать, пусть и в недалёком, но будущем... «Профессор, добрый день! Простите мне мою неосторожность, что я несколько мешаю Вам принимать экзамен, но меня в коридоре дезинформировали». О, как он был неотразим, наш алтаец! Крушкаль улыбался, от волнения и счастья ходил

взад и вперёд. Налево и направо он ставил «пятёрки». Временами казалось, он готов был позволить Володе принимать экзамен если не вместо себя, то, по крайней мере, вместе с собой. Ему не терпелось отблагодарить этого учтливового, воспитанного, сильного и, конечно же, знающего человека! Володе даже не пришлось делать хорошо отлаженный ход. Он просто сказал: «Профессор, позвольте мне отвечать на билет №13. Мои друзья очень суеверны и я хотел бы им доказать, что 13-й билет, наоборот, счастливый!» Крушкаль улыбнулся и сам быстро отыскал 13-й билет. В этот день все получали только «отлично». Мне кажется, что в том была немалая заслуга нашего любимчика Володи. Он привёл нервного и самолюбивого человека в состояние эйфории. Это не каждому дано! А впрочем, может мне всё привиделось. Но я твёрдо убеждён, что умеренная дипломатия, помноженная на восточную лесть, может дать такие результаты, на которые вы и не рассчитывали! Экзамен всегда непредсказуем, лотерея! Как и вся наша жизнь!

Александр Гройсман. О Бурштейне

Из лекторов запомнился Анатолий Израильевич Бурштейн. Он нам читал лекции по термодинамике и молекулярной физике. В городке Бурштейн был известен как президент кафе-клуба «Под интегралом». На лекции он приходил в каких-то мешковатых спортивных штанах, похоже сразу после спортивных пробежек по лесу. Это, кстати, говорило о хамском отношении к своим студентам. Как и его злые шутки...Одной из его шуточек было: чтобы удовлетворить девушку, то есть поставить ей оценку «удовлетворительно», она должна ответить всего лишь на один из вопросов типа: какая разница между фотоном и фононом, или поляроном и экситоном...

О Бицадзе и Крушкале

Мы с Петровским решили досрочно сдать курс по теории функций комплексного переменного, быстро подготовились, и заявили в институт математики к член-корру Бицадзе. Тот, удивленный нашим нахальством, потехи ради, собрал всю свою кафедру и стал нас заваливать вопросами... Мне, казалось, что я на них отвечал, но Бицадзе взял мел, поставил точку у нас на лбу и сказал: "Запомните, кто вам поставил эту точку. Идите и готовьтесь к экзамену!" Меня во время этого холодного душа, который нам с Петровским устроил Бицадзе, заметил Самуил Лейбович Крушкаль, часто замещающий Бицадзе и читающий нам вместо него лекции. Крушкаль обычно, когда меня видел в университете, подходил ко мне и интересовался моими делами...

Сергей Дворецкий. О Владимире Николаевиче Жеребцове

Занятия по баскетболу проходили в спортивном зале дома культуры «Юность». Это была единственный спортивный зал в городке. Летом занятия по физической подготовке проходили на пляже. Хорошо помню забеги на гору по песку. Было тяжело. Сама баскетбольная подготовка проходила на открытых площадках, коих было достаточно в городке. Играть в зале и на свежем воздухе – две большие разницы. В команде было всегда комфортно, дружно, весело, ребята всегда поддерживали друг друга. Несомненно, в первую очередь, такой климат в команде задавал Владимир Николаевич Жеребцов. Никогда я не слышал от него крика, неприличных слов во время занятий и соревнований, никогда не было упреков даже в случаях, когда ты сам понимал, что допустил нетактичное поведение или совершил ошибку. Я рад, что провел свои спортивные годы в Универсе рядом с таким человеком. Многому я у него научился, хотя сейчас понимаю, что он был не намного старше нас.